

18+

ИРИНА СЕРЕБРЕННИКОВА

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

СТИХИ

Ирина Серебренникова
Неотправленное письмо. Стихи

«Издательские решения»

Серебренникова И.

Неотправленное письмо. Стихи / И. Серебренникова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747345-7

Искренние и мудрые стихи о вечных ценностях проникнуты традициями петербургской культуры и чутким пониманием природы. Высокий литературный уровень, тонкое чувство слова, богатая образная лексика создают яркую картину восприятия жизни и переживаний женщины — дочери, матери, труженицы и жительницы своего города.

ISBN 978-5-44-747345-7

© Серебренникова И.
© Издательские решения

Содержание

Короткие встречи	7
«Нас двое в комнате...»	7
Короткие встречи	8
«Нагрянуло...»	9
«Я слышу голос в трубке телефонной...»	10
«Мне говорят, что годы пролетели...»	11
Романс	12
Сонет	13
Рюкзак	14
«Что-то не так сказала...»	15
Писем нет	16
Под проливным дождём	17
Всего одна минута	18
«Свободная, как бег балтийских вод ...»	19
«Мужчина в доме...»	20
«Что может женщина?...»	21
Я – петербурженка	22
Посвящение	22
С Новым годом!	23
С Рождеством Христовым!	24
Моему отцу	25
«Как листы, покрытые инеем...»	26
Моей маме	27
«Мы не помним, не знаем войны...»	28
Я – петербурженка	29
«Как хороши глаза у молодых!..»	30
Двери	31
Забор	32
Забыть Герострата?!	33
«Надену красное пальто...»	34
Рондель	35
Лесное озеро	36
«Стройнее Дантова сонета...»	37
«В начале жизни ...»	38
«Сиреневый туман»	39
«Обрушился мой маленький мирок...»	40
Год Новый, Новый век, тысячелетье	41
I	41
II	42
III	43
IV	44
V	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Неотправленное письмо

Стихи

Ирина Серебренникова

Наталья Нутрихина *Редактор*

© Ирина Серебренникова, 2019

ISBN 978-5-4474-7345-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ирина Серебренникова

Короткие встречи

Короткие встречи, случайные встречи,
Ты кем-то совсем ненадолго отмечен.
Какой-нибудь час или, может быть, вечер,
Пытливые взгляда, туманные речи...

А после разлука на целую вечность.
Но память, как ноша, ложится на плечи...
И сердце шалит – ненадежный советчик.
Короткие встречи, случайные встречи...

«Нагрязнуло...»

Нагрязнуло
 и жизнь перевернуло
За день на все грядущие года.
Как пламя обожгло
 и полыхнуло,
Лишило и рассудка, и стыда...
Отхлынуло. Не сразу отрезвило.
И долго сердце продолжало ныть...
Не понимаю я, что это было —
Любовь или
 желание любить?

«Я слышу голос в трубке телефонной...»

Я слышу голос в трубке телефонной,
До боли обжигающей знакомый.
Опять сама изобрела предлог.
Развязывая быстрых мыслей путы,
Секунду раздвигая до минуты,
Затягивая моно-диалог.
По капле принимаю унижение,
Свело на трубке пальцы в напряжение,
А сердце... будто кто в кулак зажал.
И всё же я молю тихонько Бога,
Чтоб разговор продлился хоть немного,
И голос мой – предатель – не дрожал.

«Мне говорят, что годы пролетели...»

Мне говорят, что годы пролетели
И растворились в дымке суеты.
Быть может, так и есть на самом деле,
Но что мне скажешь ты?
Но что мне окажешь ты?
Мне говорят – уже всё было, было,
А впереди прозрачность пустоты.
Зачем же так на мир смотреть уныло?
И что мне скажешь ты?
И что мне скажешь ты?
Мне говорят, что истина есть в спорах,
Да умников не переубедишь.
Я не люблю досужих разговоров.
Вот только ты скажи...
Но ты молчишь...

Романс

Мелькнула осень у ворот,
И лист желтеет.
А время движется вперёд —
Нас не жалеет.
Не убережь нам головы —
Морозный иней.
Наверно, стали я и Вы
Чуть-чуть иными.
Я не согласна, что года
Прошли напрасно;
Что мы стремимся в никуда —
Я не согласна.
Не убоюсь худой молвы,
Грешу – не каюсь.
Но вспомню, что есть где-то Вы,
И я... смиряюсь.

Сонет

Та, первая любви весна —
С неслышно робким придыханьем,
С нетерпеливым ожиданьем —
Своя у каждого она.

А осень поздняя – одна,
С её слезами и стенаньем,
И веток голых прозябаньем,
Одета в серые тона.

Но и осеннею порою
Весны забытые приметы
Вернут ушедшее давно.

Взыграет тайно ретивое,
А что потом не будет лета,
Не всё ль равно?

Рюкзак

Говорим и про то, и про это,
Но, увы, получается так,
Что из ящика каждое лето
Вынимает он старый рюкзак.

Он кладет в него старую майку,
Старый свитер и пару сапог,
Торопливо мне бросив: «Бывай-ка!»,
Устремляется он за порог.

В мыслях там он, где новая стройка,
Где ему не знакомы места,
Люди неприхотливы и бойки,
Жизнь здорова, легка и проста.

Я с балкона смотрю ему в спину,
На заплатанный тощий рюкзак,
Как когда-то отцу —
 нынче сыну.
И с собою не справлюсь никак.

«Что-то не так сказала...»

Что-то не так сказала,
Как-то не так взглянула, —
Кажется, обещала,
Вышло, что обманула.
Скажешь – одно притворство —
Это во женской части.
Может быть, годы просто?
Нету на них напасти.

Писем нет

В это жаркое, душное лето
Нет письма от него, сам он где-то,
Телеграмма всего в полстроки,
Телефона чужие гудки.

В это жаркое, душное лето
Нет письма, и не надо ответа,
И не надо двойного листа,
Паста сохнет, страница чиста

В это жаркое, душное лето...

Под проливным дождём

Под проливным дождём
 из лабиринта улиц
Не выбраться —
 бес, видно, сбил с пути.
Свернули не туда,
 и Вы мне улыбнулись —
Мне было всё равно,
 куда теперь идти.
В грохочущем метро
 о чём-то говорили.
Мне было всё равно,
 лишь только бы вдвоём.
Спасибо Вам за то,
 что Вы мне подарили
Один вечерний час
 под проливным дождём.

Всего одна минута

Когда мне руки жизнь
Заламывает круто,
И, как ни горячусь,
Не справиться мне с ней,
Подарите Вы мне
Всего одну минуту,
И утихает боль,
И на душе светлей.

Казалось, вечер был —
Вдруг сразу стало утро.
Там, на дворе – зима,
А к нам весна пришла.
Но я Вас не прошу
Побыть ещё минуту —
Я знаю, что у Вас
Другие есть дела.

А если иногда
Взгрустнется почему-то,
И нужная строка
Никак на ум нейдёт,
Я вспомню, что была
Всего одна минута,
И снова буду ждать
Неделю, месяц, год...

«Свободная, как бег балтийских вод ...»

Свободная, как бег балтийских вод —
Она *любить и быть любимой смеет*.
В чужой душе сомнение посеет
И урожай обильный соберет.

Не даст вселиться в сердце пустоте,
Отчаянью не даст укорениться
И слабости переступить границу
По резко обозначенной черте.

Свободна от условностей и мод —
Сама себе условность и отчет —
Чем горше будни, тем она смелее,
Та, что *любить и быть любимой смеет*.

«Мужчина в доме...»

Мужчина в доме.
Он сказал:
– Вот деньги, вот вино!
А груды грязного белья
Пусть полежит еще два дня —
Воды нет все равно!

Теперь мой полон кошелек,
И полон жизни дом!
Мы пьем вино,
Ну, а белье, —
Ему, конечно, все равно,
Уж после простирнем!

«Что может женщина?..»

Что может женщина?

И всё и ничего.

Она щедра безумно, без расчёта,
Когда с ней рядом есть надёжный кто-то
И мелочная скряга – без него.

Нет женщин без мужчин —

закон таков.

Душа тучнеет и дряхлеет тело,
А красота, проглянув в мир несмело
Не расцветет, не подарит плодов...

Я – петербурженка

Посвящение

Я Петербургу посвящаю стих —
Любимцу и ветров, и вод морских
Под северным жемчужным небосводом.
Прекрасен он в любое время года.
Я Петербургу посвящаю стих.

Любимцу и ветров, и вод морских,
Творцу судеб и малых, и больших,
Родному городу, которому нет равных,
Хранителю дел и традиций славных,
Любимцу и ветров, и вод морских.

Под северным жемчужным небосводом
Рождённому дыханием свободы
Среди болот и горестей людских
В наследство поколениям молодых
Под северным жемчужным небосводом.

Прекрасен он в любое время года:
Когда слышны ночам июньским оды,
Иль город тонет в золоте листвы,
Иль обновлён зимой наряд Невы —
Прекрасен он в любое время года!

Я Петербургу посвящаю стих,
И пусть мой голос не звучней других,
Единственному городу на свете,
Шагнувшему в четвёртое столетие,
Я Петербургу посвящаю стих!

С Новым годом!

Что-то переменчива погода —
То пушистый снег, то гололёд.
С Новым годом, люди! С Новым годом!
Пусть счастливым будет Новый год.

Где-то не сумели, не успели,
И начать чего-то не пришлось,
Даже проиграли в важном деле
И о чём мечтали – не сбылось.

Но уже короче стали ночи,
День длинней на несколько минут.
Кто-нибудь за нас да похлопочет,
Нам пропасть до срока не дадут.

А декабрь торопится с уходом,
И полно предпраздничных забот.
С Новым годом, люди! С Новым годом?
Пусть счастливым будет Новый год!

С Рождеством Христовым!

Вновь в Петербурге звон колоколов
И белизна Рождественской метели,
И голова кружится как с похмелья
Среди других, трезвеющих голов.

По старым ностальгия временам,
И мнится – с колокольной возродили
Ту веру, что была дана отцам,
И дедовы забавы возвратили.

Гуляет перед Рождеством метель,
Сочельник весел, и хохочут святки.
Под мишурой благоухает ель.
И, значит, СЛАВА БОГУ, всё в порядке!

Моему отцу

Моя судьба счастливей судеб многих.
Ей буду благодарна до конца.
Она в начале жизненной дороги
Мне сохранила на войне отца.

Отец мой, очень мирный, очень штатский,
Он даже тапки сунул в вещмешок.
На перекурах средь братвы солдатской
Наверно, слышал ни один смешок.

На Ленинградском, огненно-кровавом
Ему пришлось стрелять-то только раз.
На фронте наводил он переправы,
Как мог бы наводить их и сейчас.

По водам Нарвы, Тиссы и Дуная
Шёл понтонёр сквозь орудийный шквал
И, путь войскам к победе пролагая,
Порою сам огня не замечал.

Мала была. Не помню дня Победы.
Но вот опять весна. В цвету страна.
Девятого, весенним утром деду
Мой взрослый сын достанет ордена.

Гляжу на них, и чуть подводят нервы.
Унять волненье не хватает сил.
Таким как сын, отец был в сорок первом,
Когда на Ленинградский уходил.

«Как листы, покрытые инеем...»

Как листы, покрытые инеем,
Тоже стали совсем иными мы,
Но порою утрами свежими
Нам побыть случается прежними,
Потому что живем надеждами:
Есть еще, кто видит нас прежними...

Моей маме

Поздравленья, речи.
Ты в слезах.
Как иначе вспоминать блокаду?
Выпало на долю Ленинграду
То, чего не скажешь на словах.
Город наш над невскою волной —
В книге судеб огненная строчка.
Выжить вместе с маленькой дочкой —
Подвиг ленинградки молодой.
Молча мы с тобою посидим.
Как ты скорбно голову склонила...
Ты меня в блокаду сохранила —
Бог поможет,
внуков сохраним.

«Мы не помним, не знаем войны...»

Мы не помним, не знаем войны,
Но суровы её отголоски:
На портретах чернеют полосы,
И нескрытые слезы слышны
В тихом, сдержанном голосе мамы,
Что траншеи копала и ямы
Под обстрелом блокадной зимы
И не может забыть эти дни.

Мы не помним, не знаем войны.
Снятся нам только мирные сны.
Но остался пацан сиротою
С малолетней девчонкой-сестрою.
На мальчишечьи плечи легли
Дисциплина суворовской роты
От родимого дома вдали,
Долг отца и сыновьи заботы.

Мы не помним, не знаем войны,
Но у нас подрастают сыны,
И сегодня тревожно нам что-то...

«Как хороши глаза у молодых!..»

Как хороши глаза у молодых!
Раскрыты широко и смотрят прямо.
Все интересно им. Вопрос упрямый
В ответ не терпит истин прописных.

В них целый мир, что был и мной открыт,
Познания свет, что был и мне подарен,
Но после безрассудно разбазарен,
Погашен или просто позабыт.

Завидую? Немного. Иногда.
Но знаю: там, где в слабости сомненья
Оставить не сумела я следа,
Ждёт молодых успех преодоления.

Двери

Боюсь дверей, обитых кожей,
С накладкой дутою под медь,
Не поспешат их отпереть
Ни для друзей, ни для прохожих.

За ними глухо и тоскливо,
Там затаилась боль впотьмах,
Непроходящий чей-то страх
От света спрятан торопливо.

Люблю распахнутые двери!
Их с бесшабашностью доверья
Чуть прикрывают на авось,
Для них любой – желанный гость.

Они живут умно и просто
С веселым скрипом и хлопком.
Одна ведет в знакомый дом,
И я вхожу туда без спроса...

Забор

Гудит толпа. Строительный забор —
Сосредоточье дум и устремлений —
Стихийная доска для объявлений.
«Пропал эрдель...» «Куплю большой ковер...»
Съезжаются... Дряхлеют старики.
Быть надо рядом, если занедужат.
Разводятся... И общий дом не нужен,
И под одною крышей не с руки.
Забор пестрит лохмотьями одежд
Разнообразных вкусов и фасонов.
Здесь в сотнях адресов и телефонов
Лишь единицы сбывшихся надежд.
Мне — мимо...

Забыть Герострата?!

Где храм? Куча пепла и горечь утраты...
Весь мир содрогнулся. Молва стоекратна:
Забыть Герострата! Забыть Герострата!
Но память безжалостна и справедлива.
Позор и величье она сохраняла
И голосу разума следует свято:
Забыть – это значит простить Герострата!
И тех, кто отвергнув людские законы
Крушил беззащитных богов Парфенона,
Кто скверною метил святыни Софии,
Джордано и Гуса сжег души живые,
Кто свастику поднял над славою Рима
И в ад на земле превратил Хиросиму!
Нет! В сердце немолкнувший голос набата:
Нельзя ни простить,
ни забыть Герострата!

«Надену красное пальто...»

Надену красное пальто,
Хоть по-осеннему дождливо.
Весёлой стану я, красивой,
И мимо не пройдёт никто,
Не подарив меня улыбкой.
А я в ответ слегка кивну —
Не просто так, не по ошибке,
А будто другу своему.

Надену красное пальто
И под него тихонько спрячу
Своих просчётов неудачи,
Обидных мелочей *не то*
И равнодушие к новым модам —
Обычной суете вовне —
Мою тоску.

С твоим уходом
Она со мной. Она во мне.

Рондель

Бывают дни – всё валится из рук,
Как ни старайся обмануть природу:
То огорчит неловким словом друг,
То принесёт дождливую погоду...
Не разомкнуть порочный этот круг,
Не обрести желанную свободу.
Бывают дни – всё валится из рук,
Как ни старайся обмануть природу.
Вот, кажется, прервётся сердца стук —
Вестей, что жду, нет иногда по году —
И не снести проклятых этих мук,
А слезы также глупо лить, как воду.
Бывают дни – всё валится из рук.

«Стройнее Дантова сонета...»

Стройнее Дантова сонета
И строже гимна город наш,
Когда в миг краткий до рассвета
Огонь ростральных вспыхнет чаш.

В напрасных поисках ответа
Бессильны кисть и карандаш.
Онегинской строфой воспета
Та полуявь-полумираж.

Мне жребий выпал непростой
На невских берегах родиться,
Здесь сына своего растить.

И в наш застой и перестрой
Не дрогнуть и не оступиться,
Отца заветы свято чтить,

Что были мне даны измлада,
И петербурженкою быть,
И знать, что за спиной – блокада.

«В начале жизни ...»

В начале жизни —
жизни торжество
Пьем жадными поспешными глотками.
Помех – препятствий неподъемный камень
Не замечаем – только и всего!
Цены не зная истинным вещам,
Ее бездумно назначаем сами.
Разбрасывая золото горстями,
Предпочитаем верить медякам.
Со временем напитков уж не тот,
И медяки под патиной тускнеют.
Становимся мы чуточку умнее,
А вот со счастьем
что-то не везет...

«Сиреневый туман»

В ненастную погоду —
Декабрь такой несносный,
И дождь такой тоскливый
Нам в назиданье дан —
Я шла по переходу
На площади Московской,
Где пели под гитару
«Сиреневый туман».

Два голоса звучали,
Два голоса сливались,
Два голоса терялись
В подземной глубине.
Нахлынули внезапно
Студенческие годы,
Поездка на картошку
И практика в Литве.

В другой какой-то жизни —
Наверное, счастливой,
Похожей на любовный
Бесхитростный роман,
В кружок собравшись тесный,
Под Санькину гитару
Мы пели вечерами
«Сиреневый туман».

Казалось, все забылось
И все переменялось;
Давно напев прощальный
Не слышался во сне.
И вот, скажи на милость!
Вдруг память пробудилась,
И в легкой дымке юность
На миг явилась мне.
«Сиреневый туман»...

«Обрушился мой маленький мирок...»

Обрушился мой маленький мирок.
Я только соберу его осколки
Да кое-где подклею втихомолку,
Чтоб он побыть ещё немного мог.

А за его некрепкою стеной
Бунтует мир, огромный и опасный,
Он, разрушая, воздвигает властно,
Конечно, не советуясь со мной.

Он требует участия и жертв,
Отвергнув все законы и границы.
И ни на миг мне не даёт забыться
Болезненно пульсирующий нерв.

Обрушился мой маленький мирок.
Не стоит собирать его осколки.
Над ними я поплачу втихомолку
И в мир шагну.
И да простит мне Бог.

Год Новый, Новый век, тысячелетье *Венок сонетов*

I

В декабрьские заснеженные дни,
Когда часы с минутами считаем,
Чудес предновогодних ожидая,
На ёлках зажигаются огни.

Мы суетливой радости полны —
Чего-то, как всегда не успеваем —
И Старый год в дорогу провожаем
В полуночную тайну тишины.

Как в дымке, полуявь и полусон,
Курантов и бокалов перезвон —
Волнующе отрадные мгновенья!

Игра огней до самого утра.
И в эту ночь веселья и добра
Ко мне приходит умиротворенье.

II

Ко мне приходит умиротворенье.
Здесь вся семья, и сделан новый шаг —
Еще один; быть может, и пустяк,
Но приняты какие-то решенья.

Встречая года Нового рожденье,
Мы развернули свой победный стяг
Для новых наступлений и атак —
Наш меморандум жизни продолженью.

Год Новый, Новый век, тысячелетье.
Грядущее еще в неясном свете.
Ещё не удастся осознать

Всего происходящего значенье.
Но выхожу я Новый год встречать,
Я не грущу, и в мыслях нет смятенья.

III

Я не грущу, и в мыслях нет смятенья,
Умноженного воплями газет
С реестрами прогнозов и примет,
Телеэкранов бурным развлеченьем.

В бессменно-отупляющем круженье
Природа – наш единственный завет.
С небес на землю льётся лунный свет
Такой же, как от мира сотворенья,

Представится земля – наш общий дом,
Который от рожденья обретаем.
Мне в чём-то каждый человек сродни.

И поколениям будущих времен
Как эстафету, мысли доверяю,
Неспешней и спокойнее они.

IV

Неспешней и спокойнее они —
Движенья, размышленья, разговоры
Не увлекут голов горячих споры,
Сумбурные не озадачат сны.

Очарованье мудрой старины —
В исканьях неуверенных опора.
Сарказмом затаённого укора
В ней нити совершенства скреплены.

На многое годами дан запрет,
Но многое в прошедшем открывают.
Обделены мы и наделены.

Не найден на иной вопрос ответ,
И к жизни интерес не остывает —
Ведь ум и сердце нам не зря даны.

V

Ведь ум и сердце нам не зря даны.
Воистину коварен дар природы!
Едва движеньям сердца дашь свободу,
Как разума советы не нужны.

Когда рассудка доводы сильны,
Сердечным излияниям нет ходу.
И часто – смыслу здравому в угоду —
Сердечные порывы сметены.

Казалось бы, а стоит ли тужить,
Что с сердцем ум в ладу не может жить
И в равной мере жаждет утвержденья?

Досадно мне в неведение блуждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.